

Пантехнический лес

ЕВГЕНИЙ
КУЧИНОВ,
ИВАН
СПИЦЫН

Я чувствовал, как радиация пронизывает броню, точно бумажную салфетку. Ощущал узловатые гребни и вмятины магнитного поля «Роршаха». Чувял, как он приближается: как обугленный полог выгоревшего инопланетного леса; скорее пейзаж, чем предмет. Я представлял, как титанические разряды проскакивают между его ветвями, и себя на их пути. Какие существа согласятся жить в подобном месте?

ПИТЕР УОТТС. «Ложная слепота»¹

1

На демотиваторе «Единая Россия рулит» изображен лесной пейзаж, элементы которого снабжены табличками, отмечающими участие «партии власти» в природных процессах. Они могли бы послужить также ориентирами, не позволяющими заблудиться, дорожными знаками, указывающими на выход из леса: «река течет при поддержке ЕР», «дятлы долбят под руководством ЕР», «рыба клюет с разрешения ЕР» и так далее. Первый критический слой этой топорной картинки легко считывается: он поднимает на смех попытки правящей партии опосредовать процессы, которые в действительности протекают без ее участия, преувеличить свою роль в жизни (общества). Смехотворный слой, однако, оказывается поверхностью, под которой скрывается онтологическое утверждение, имеющее зловещий *обездвиживающий* смысл: без (партии) власти ничто не функционирует, ничто не живет, ничто не существует – облака не плывут, реки не текут, деревья не растут, дятлы не долбят кору, рыба не клюет. Под партией (власти) здесь можно понимать подмножество в составе множества, коим является лесной пейзаж (облака, вода, деревья, животные), совокупность *действий* (поддержка, руководство, разрешение), обеспечивающих *перевод* от обездвиженности к *движению* (перемещение, питание, рост). В таком случае скрывающееся под пиксельной пленкой послание будет звучать так: без власти нет леса. Таков взгляд *онтологического этатизма* – и простого срывания

Евгений Кучинов (р. 1982) – философ, историк, переводчик, научный сотрудник Лаборатории философских исследований будущего Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), редактор платформы *lmnt.space*.

Иван Спицын (р. 1991) – философ, независимый исследователь (Нижний Новгород), редактор платформы *lmnt.space*.

1 Уоттс П. *Ложная слепота*. М.: АСТ, 2016. С. 177–178.

демотивирующих табличек недостаточно для того, чтобы очутиться в *диком* лесу. Их *état* может либо оказаться уже въевшимся в почву, воду и древесину, составляя их сущность, либо, за вычетом сущности, сохраниться в качестве наказа мыслить лес как остаток от такого вычитания.

Это изображение может послужить наглядной иллюстрацией «объективированной корреляции», парадоксальный характер которой раскрыли в «Концах света» Дебора Дановски и Эдуарду Вивейруш де Кастру. Развивая размышление Стивена Шавиро о том, что элиминативистское крыло спекулятивных реалистов (Квентин Мейясу, Рэй Брассье), выходя за пределы корреляционизма, попадает в «ледяную пустошь» Великого Внешнего, созерцание которой оказывается заиклено на человеческой точке зрения, они доводят эту мысль до конца: политическим и экологическим коррелятом этого «радикально мертвого» Внешнего оказывается человеческая мысль, материализованная в виде мегамашины антропоцена, которая насильно соотносит мир с собой, погребая его под слоями бетона и пластика. Коррелятом антикорреляционизма в его элиминативистском изводе оказывается нигилистическое сопряжение мертвого мира и обреченной на вымирание – а потому уже мертвой – мысли («отрицательный идеализм, странный трупный субъективизм»)². Мир-без-нас оказывается не чем иным, как изнанкой онтологического этатизма, – это мир, в котором реки *действительно* не текут, облака *действительно* не плывут, деревья *действительно* не растут без разрешения «партии власти».

Противоположностью обездвиженной «ледяной пустоши», требующей *руководства ex nihilo* («чуда без Бога», как пишут Дановски и Вивейруш де Кастру³), является лес без власти; противоположностью мира-без-нас является *необитаемый мир*, противоположностью онтологического этатизма является *онтологический анархизм*⁴. Как мы отметили выше, он не может быть сведен к отрицанию и стиранию следов присутствия власти, *автоматически* (чудесным образом, *ex nihilo*) выводящему путника в лес. Уход в Лес – *проблема*, сродни апориям Евбулида, вывернутым наизнанку: сколько деревьев нужно оставить за спиной (или, может быть, вырастить), чтобы очутиться в косматости леса, чтобы *заблудиться*? Или: что значит понять шутку, заключенную в демотиваторе «Единая Россия рулит»? Сколько табличек требуется для создания смехотворного эффекта – и кто будет смеяться? В конечном счете, во-

2 DANOWSKI D., VIVEIROS DE CASTRO E. *The Ends of the World*. Cambridge: Polity, 2017. P. 30–36.

3 Ibid. P. 33.

4 Об онтологическом анархизме на свой манер размышляет также Вивейруш де Кастру. См. его статью «О моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене» в этом номере «НЗ».

прос Ухода в Лес остается «слишком человеческим»⁵: может ли сам лес, как в комедии Людвиг Тика «Принц Цербино», пробудиться в предметах мебели и «осмеять их»?⁶

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ,
ИВАН СПИЦЫН
ПАНТЕХНИЧЕСКИЙ ЛЕС

2

Анархо-примитивизм редко рассматривается как онтология, однако именно вопрос о преодолении *объективированного* корреляционизма (цивилизации) – то есть вопрос, может ли лес обступать и наступать, является для него ключевым.

Примитивистское преодоление осложнено двумя отказами.

Леса уже не существует. В тот самый момент, когда оформляется необходимость мыслить лес в сопряжении естественной истории и истории человечества, оказывается, что лес уже истреблен настолько, что его сложно назвать собственно лесом. Банальная и горькая правда: только за XX век площади лесов сократились на 75%. При этом «соломенное чучело» корреляциониста, с которым предлагает бороться спекулятивный реализм, исчерпывающим образом реализуется в фигуре историка начала XX века, прямо заявляющего, что «нет никакого мира, помимо мира человеческого»⁷. Необходимость учета последствий «истории человеческих деяний»⁸ совпадает с моментом, когда мир уже необратимо изменен фактором человеческого присутствия, когда выход из леса стал свершившимся фактом. Современное безлесье состоит в том, что лес либо доведен до положения заповедной, охраняемой зоны, оборудованной камерами слежения за редкими животными и обеспеченной непрекращающимся контролем за темпами обезлесения, либо используется в качестве защитного средства, с помощью которого мы можем противостоять угрозе опустынивания и вымирания – путем мелиорации, кислородизации, ирригации.

Этому отказу соответствует *ностальгия* по лесу, который не может мыслиться иначе, как Эдемский сад. Заметим, что сам Эдем является способом не видеть за деревьями (древом познания, древом жизни) леса, скрывая его (за) символическим разбиением Сада. Идти дальше ностальгии означало бы утверждать, что леса не существует уже в Эдеме.

Леса еще не существует. Создавая воображаемые конструкции повторного одичания, отказа от (пост)индустриального

5 «Открываемый Лесом опыт заключается во встрече с собственным “Я”, с неуязвимым ядром, сущностью, которая питает все временные и индивидуальные явления. [...] Она приводит к человеку, который является фундаментом любой индивидуальности и от которого исходит все индивидуализирующее» (ЮНГЕР Э. *Уход в Лес*. М.: Ad Marginem, 2020. С. 102).

6 Берковский Н.Я. *Романтизм в Германии*. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 69.

7 Коллингвуд Р.Д. *Идея истории*. М.: Наука, 1980. С. 203.

8 Там же.

будущего – или его катастрофического провала, становления «косматыми», Ухода в Лес, – мы оказываемся в ситуации, когда месту, куда мы хотели бы уйти или вернуться, ничто не соответствует. В этой ситуации начинает казаться, что сойдет любое место, напоминающее о спасении. Не любой лес, но вообще любое место может сойти за лес. В любом месте можно оказаться изгнанным и, не выходя из квартиры, мыслить (с) компостом в состоянии многовидовой смуты – не обращая внимания на то, что нет леса, который бы не включался в территорию того или иного государства. «Взывая к новой земле и новому народу»⁹, мы вынуждены оставаться в состоянии, когда у нас нет ни того ни другого, но при этом сама виртуальная возможность появления леса и способов существования в нем есть.

Современное безлесье состоит в том, что лес либо доведен до положения заповедной зоны, оборудованной камерами слежения за редкими животными, либо используется в качестве защитного средства, с помощью которого мы можем противостоять угрозе опустынивания и вымирания.

Этому отказу соответствует *греза* или *ужас* грядущего леса, зеленый рай изобилия и свободы (наше «первобытное будущее»¹⁰) или зеленый ад запустения и вымирания.

Двумя отмеченными отказами очерчивается объективированный корреляционизм как ареал нашего цивилизованного, избыточно исторического *обитания*, стянутого спиралью удваивающегося забвения. Перефразируя Жюль Делёза, можно было бы сказать, что «человек может жить [посреди лесов], *лишь забывая*, что [те] собой представля[ют]. [Леса] существуют прежде человека или после него»¹¹, но ситуация избыточной историчности тягостнее, чем *просто* забвение. Не просто забвение, но забывание того, *как* забывать, – вот, что составляет избыток истории.

⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009. С. 115.

¹⁰ Термин принадлежит Джону Зерзану и является заголовком одного из его эссе: ZERZAN J. *Future Primitive and Other Essays*. Brooklyn: Autonomedia, 1994.

¹¹ Леса здесь – как мы увидим, с полным правом – заступают на место острова; см.: Делёз Ж. *Причины и резоны необитаемых островов* // Художественный журнал. 2013. № 90 (<https://moscowartmagazine.com/issue/7/article/84>) (*курсив наш.* – Е. К., И. С.).

В одном из наиболее влиятельных текстов анархо-примитивизма, в эссе «Против Его Истории, против Левиафана», вышедшем в 1983 году, Фреда Перлман ставит задачу *исступления* за порог исторического времени, технологии, цивилизации – к дикой Матери-земле, которая жива и которая есть сама жизнь, задачу «научиться слышать, как растут растения, научиться чувствовать их рост». Это не мыслительное упражнение, не спекуляция и не словесная игра: «Знать имя двери – значит не знать ничего. Познание начинается по ту сторону порога» (напрашивающийся в отношении Земли «матриархат», считает Перлман, – неверное имя двери; верное – «анархия»), где Мать, одержимая собой, одержимая своим телом, прыгает, поет, кружится в непристойных танцах и разнузданных оргиях, делится видениями и опытом. За порогом облик леса существенно меняется: «лес уже не вещь, которой он стал для нас: загон для мяса, лесопилка, [...] лес – живое существо, которое кишит другими живыми существами»¹². Позитивным именем онтологической *ан-архии*, обнаруживающей себя в лесу за порогом объективированной корреляции, мог бы стать *панпсихизм*. Бросается в глаза, что лес как противоположность «ледяной пустоши» находится в наступлении (на одном из фронтов которого располагает себя радикальный примитивизм) – и требует не столько созерцания, сколько одержимости¹³, концептуальные результаты которой разительно отличаются от образцов нововременной рациональности, покоящейся на строгом и последовательном разделении и опосредовании порядков живого и косного, мыслящего и живо(тно)го. (Эрнст Юнгер утверждает, что Лес *мифологичен*¹⁴ – не в смысле доисторичности, но в смысле вневременной реальности, возвращающейся в историю, подобно виноградной лозе и плющу, оплетающим весла и мачты корабля пиратов, похитивших Диониса и разорванных на части выскочившим из образовавшихся зарослей тигром. Урсула Ле Гуин описывает обитателей планеты Атши (слово, означающее одновременно мир и лес) как владеющих искусством *управляемых сновидений*, позволяющим непосредственно соприкоснуться с бессознательным и сублимировать агрессию¹⁵. Безымянные авторы коллектива «Green Anarchy» отмечают, что «многие зеленые анархисты продвигают и практикуют обращение и возвращение к дремлющим или малоиспользуемым методам взаимодействия и познания – таким, как прикоснове-

12 PERLMAN F. *Against His-story, Against Leviathan!* Detroit: Black & Red, 1983. P. 2–3, 10–12.

13 Ibid. P. 9.

14 ЮНГЕР Э. *Указ. соч.* С. 52.

15 См.: ЛЕ ГУИН У. *Слово для «леса» и «мира» одно.* М.: АСТ, 1992.

ние, обоняние и телепатия»¹⁶. И так далее.) Без власти лес полон потустороннего.

Едва ли верно считать, что «призрачный потусторонний мир, населенный монстрами, ведьмами и другими исчадиями ада», является лишь «реактивным образованием»¹⁷, в противостоянии которому осуществляется контрвласть, как будто государство, отсутствующее в структуре примитивных сообществ, создается и прорабатывается в воображаемом, в отношении которого дикари упражняются в неповиновении и предупреждают возникновение реальных институтов власти. Лесное потустороннее – это скорее элемент наступления, разрастания чащи, дебри, которые, несмотря на защитные покровы объективированной корреляции, продолжают беспокоить воображение цивилизованных людей, порвавших с лесом. В хоррорах, подобных «Ведьме из Блэр» (1999), отчетливо прослеживается мотив соучастия леса с ужасом, который в нем скрывается. Лесной массив никогда не выступает как нейтральное пространство, место противостояния человеческого и монструозного. Лес никогда не бывает на стороне человеческого, он укрывает монстров, позволяет им быть неожиданными и опасными, запутывает людей, сбивает с пути, заставляет плутать. Лес – это антигосударство, он действительно потворствует неповиновению, которое осуществляется не в отношении призрачного потустороннего, а в соучастии с ним. Если, по словам Юджина Такера, «природа, о которой я мыслю, пребывает так же и во мне и пронизывает меня собой, то из этого следует, что я в какой-то мере тождествен природе и что эта природа “мыслит” меня так же, как я мыслю природу»¹⁸. Монструозное, сотрудничающее с лесом, можно прочесть как мышление, допускающее симбиотического допдельгангера: лес мыслит через монстра (или, например, дикаря), монстр одержим лесом; монстр – это органон, которым лес мыслит, его орган и орудие, лес – это греза монстра.

В противоположность тому, что причины выхода из леса «можно объединить под рубрикой отдельности человека от своего орудия», благодаря которому «его отношение к лесу стало косвенным, или, точнее сказать, у него появилось *отношение* к лесу, его *отнесло* от леса»¹⁹, бесчеловечная монструозность монстра заключается в том, что он от леса неотделим, даже если оказывается в безлесье. Выступая из леса, монстр не

16 THE GREEN ANARCHY COLLECTIVE. *What Is Green Anarchy? An Introduction to Anti-civilization Anarchist Thought and Practice // Uncivilized: The Best of Green Anarchy*. [Без места]: Green Anarchy Press, 2012. P. 16 (*курсив наш*. – Е.К., И.С.).

17 ГРЭБЕР Д. *Фрагменты анархистской антропологии*. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 24.

18 ТАКЕР Ю. *Щупальца длиннее ночи*. Пермь: Hyle Press, 2019. С. 150.

19 БИБИХИН В.В. *Лесной человек Ницше* (www.bibikhin.ru/lesnoy_chelovek_nitsche).

вступает в цивилизованное состояние, оставаясь наступательным орудием одностороннего различия, состоящего в том, что лес, от которого культура отличается, сам от культуры агрессивно не отличается. В этой связи предложение Джеймса Скотта рассматривать набеги «лесных людей» на государства «как развитую и успешную форму охоты и собирательства» действительно является «лучшим вариантом их концептуализации», ведь «для мобильных собирателей оседлые сообщества представляли соблазнительную концентрацию ресурсов для собирательства»²⁰. Не видеть за лесом государств: со всеми своими ресурсами государство рассматривается варваром как изобильная часть леса.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ,
ИВАН СПИЦЫН
ПАНТЕХНИЧЕСКИЙ ЛЕС

Лес – это антигосударство, он действительно }
потворствует неповиновению, которое }
осуществляется не в отношении призрачного }
потустороннего, а в соучастии с ним. }

4

Монстр (дикарь, лесной человек, сатир, зверь) – душа леса, лес полон монстров.

Однако всеобщая одушевленность, вписанная онтологическим анархизмом в имя «панпсихизм», рискует руководствоваться понятием души, невольно позаимствованным из словаря онтологического этатизма: душа как «следствие и инструмент политической анатомии; душа – тюрьма тела»²¹. Переименование демотиватора, с рассмотрения которого мы начали, в «Душа рулит» («река течет при поддержке души», «дятлы долбят под руководством души», «рыба клюет с разрешения души») не даст нам ничего, кроме эвфемизма для названия «партии власти», обманчивость которого усугубится тем, что ввиду такого переименования надобность в соответствующих табличках отпадает сама собой: душа же незрима в функции переводчика неподвижности в движение. И дело тут не в «недостаточности души», которой отмечено появление понятия и проблематики субъекта (а также его транспортного обеспечения, играющего роль словаря перевода (чего-то) одного в(о что-то) другое)²². «Лес» Генри Дэвида Торо²³, который восполняет эту недоста-

20 Скотт Дж. *Против зерна: глубинная история древнейших государств*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 248–249.

21 Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 46.

22 Об этом см.: КРАЛЕЧКИН Д. *Лес и лабиринт. К экологии субъекта* // Логос. 2021. № 3. С. 219–248.

23 Торо Г.Д. *Уолден, или Жизнь в лесу*. М.: Издательство АН СССР, 1962.

точность в условиях индустриализации Запада, опоясывающегося сетью железных дорог, и нацеленный тем самым на восстановление классической экологии субъекта, оборачивается местом, в котором *нельзя заблудиться* – идеальным транспортным средством. Дело, напротив, в излишке, связанном с лишением – в удушливой избыточности души, сопряженной с убытком тела.

На что променять душу, чтобы тело не потерпело убытка? На технику. Заметим, что вопрос о технике является одним из подводных рифов, на которых терпит крушение радикальный примитивизм, вынужденный оставаться формой луддизма, полностью отвергающего технологии – во имя аскетического минимума «простых орудий», которые не задействуют сложные системы и не отрезают пользователя от действия²⁴. Уподобляя цивилизацию реактивному самолету и предрекая ей – как и всякому самолету – падение в ледяные воды Леты²⁵, редко принимают во внимание, что о *наступлении* леса, а следовательно, и о встрече с ним, можно говорить лишь тогда, когда он вырастает прямо в самолете²⁶, хватая его в воздухе, а не когда он оплетает его рухнувшие на землю обломки (такое движение леса все еще будет мыслиться как остаток от вычитания из пейзажа самолета). Кроме того, именно жертва крушения является, по словам Делёза, «самым ценным плодом» необитаемого места. Примитивистский луддизм неотличим от сбивания корреляционистских табличек, за ним маячит презумпция о *нетехнической* жизни леса, которая не только скрывает целую область инструментального поведения животных, но и не позволяет увидеть лес, скажем, глазами Леонида Леонова, описывавшего его как *могучую и долговечную машину*²⁷.

Исследования инструментального поведения животных позволяют не только сместить границу технич(е)с(к)ой жизни *all the way down* – от птиц и приматов к насекомым, слизевикам, амебам и бактериям (и – ниже), – обнаружив технику везде, где есть жизнь, но и поставить под сомнение ключевую презумпцию, касающуюся «слишком человеческого» определения инструмента, – презумпцию, согласно которой *инструмент*, будучи отделенным от тела, *не может быть живым*. В начале 1980-х швейцарский приматолог Ханс Куммер описал использование павианами живых тел в качестве инструментов,

24 THE GREEN ANARCHY COLLECTIVE. *Op. cit.* P. 18–20.

25 WATSON D. *Civilization Is Like a Jetliner* // IDEM. *Against the Megamachine: Essays on Empire & Its Enemies*. Brooklyn: Autonomedia; Detroit: Fifth Estate, 1997. P. 187–188.

26 См. у Юнгера, обращающегося, впрочем, к образу не самолета, а корабля, Титаника: «К мифическому нельзя вернуться, с ним встречаются снова, когда время поколебалось в своей основе, в области наивысшей опасности. Что значит не *просто* виноградная лоза – но означает: виноградная лоза *на Корабле*» (Юнгер Э. *Указ. соч.* С. 52).

27 Леонов Л. М. *Русский лес*. М.: Молодая гвардия, 1954. С. 273–274.

получивших название «социальных»²⁸. Настоящими виртуозами социотехники являются муравьи, которые строят мосты и другие арочные сооружения, дороги, бивуаки, плоты и ловушки посредством переплетения своих тел. Эти сложные объекты живы и эфемерны (они перестают существовать тогда, когда перестают использоваться, они держатся чем-то вроде взаимной одержимости), у них нет владельца, который являлся бы их привилегированным, вынесенным вонне пользователем. Лишь предубеждения «трупного субъективизма» препятствуют тому, чтобы увидеть в этом переплетении техническую жизнь («муравьи строят мосты при технической поддержке “партии власти”»). По большому счету, эти предубеждения разделяются и примитивизмом, делающим ставку на простые инструменты или маломасштабные технологии²⁹. Муравьиные мосты являются сложными и масштабными, но вместе с тем – в силу своей эфемерности – остаются неотделимыми от действия, от порождающего их движения.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ,
ИВАН СПИЦЫН
ПАНТЕХНИЧЕСКИЙ ЛЕС

5

Двинемся глубже в лес, приобретающий черты *пантехнического*. Заметим: лес продолжает то самое движение, что образует – в плетении известковых водорослей, древних кораллов, мшанок, плеченогих и брюхоногих моллюсков – *изначальные острова*, на которые выползают грибы, дробящие гифами – словно бурами – камни, превращая их в почву для растений, вступающих с грибами в симбиотические отношения. Леса удваивают *изначальные острова*, продвигаясь во всех направлениях сразу. Ни души: лес кишит монстрами, одержимыми лесом, являющимися орудиями его наступления. Оказаться в лесу – значит стать одним из этих монстров.

28 KUMMER H. *Social Knowledge in Free-ranging Primates* // GRIFFIN D.R. (Ed.). *Animal Mind – Human Mind*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1982. P. 113–130.

29 «Маломасштабная технология – это технология, которая может быть использована малыми сообществами без содействия извне. Организационно-зависимая технология – это технология, которая зависит от крупной социальной организации» (КАЧИНСКИЙ Т. *Индустриальное общество и его будущее*. СПб.: Революция, 2011. С. 92).

